

Дмитрий Мамин-Сибиряк

В ученье

Дмитрий Мамин-Сибиряк

В ученье

«Public Domain»

1885

Мамин-Сибиряк Д. Н.

В ученье / Д. Н. Мамин-Сибиряк — «Public Domain», 1885

«Наступал уже дождливый осенний вечер, когда Сережка с матерью подходил в первый раз к фабрике. От вокзала за Невскую заставу они шли пешком. Мать едва тащилась, потому что страдала одышкой. Кроме того, ее давила дорожная котомка, сделанная из простого мешка. На улице уже зажигались фонари, мимо несколько раз пронеслась «паровая конка», пуская клубы дыма; фабрики смотрели на улицу сотнями ярко освещенных окон... Это было фабричное предместье Петербурга, вытянувшееся вверх по Неве на десять верст...»

Содержание

I	5
II	8
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк

В ученье

I

Наступал уже дождливый осенний вечер, когда Сережка с матерью подходил в первый раз к фабрике. От вокзала за Невскую заставу они шли пешком. Мать едва тащилась, потому что страдала одышкой. Кроме того, ее давила дорожная котомка, сделанная из простого мешка. На улице уже зажигались фонари, мимо несколько раз пронеслась «паровая конка», пуская клубы дыма; фабрики смотрели на улицу сотнями ярко освещенных окон... Это было фабричное предместье Петербурга, вытянувшееся вверх по Неве на десять верст.

Мать останавливалась перед каждой фабрикой и спрашивала – не та ли это фабрика, на которой работает дядя Василий? Ответы получались разные, а один пьяненький мастерской объяснил:

– Дядя Василий? Как же, очень хорошо знаю... Недавно вместе три недели в остроге сидели. Теплый мужик, зимой даже без шубы шеголяет...

Сережке делалось страшно, и он жался к матери. Его пугали эти большие дома, гремевшая конка, торопливо бежавшие куда-то люди, валивший густыми клубами дым из высоких фабричных труб и вообще все, что попадалось на глаза. Ему невольно вспоминалась своя деревня, где сейчас так тихо-тихо и только кой-где мелькают красные огоньки. Сердце Сережки сжималось как-то само собой, и ему почему-то казалось, что попадавшиеся навстречу люди непременно злые.

– Мамка, скоро? – шепотом спрашивал он.

– Скоро, скоро... Погоди.

Наконец они дошли и до той фабрики, на которой работал дядя Василий. Стоявший у ворот сторож сказал, что надо будет подождать, когда отдадут свисток на шабаш. Он как-то особенно любовно посмотрел на Сережку и заговорил:

– В учебу привела мальчонку?

– Уж не знаю, как дело выйдет... – уныло ответила мать. – Отец-то у нас помер после успенья, так вот... я...

У нее точно перехватило горло. От усталости и ожидания она расплакалась.

– Значит, деревенские, – решил сторож. – О чем ревешь-то, глупая? И здесь люди живут...

– Девчонка у меня махонькая осталась в деревне-то... Значит, у свекровушки сейчас. Ох, горе наше горькое... Только стали поправляться, избу новую поставили, а тут немочь и присунься. Всего две недельки и полежал Тихон-то Петрович... Долги остались... Новая изба за полцены ушла да еще лошадь продали. Как есть ни при чем и осталась...

Сережка слышал эти причитанья матери слишком часто и потому был занят совсем другим: мимо них катились тяжелые телеги ломовиков, с дребезгом ехали извозчики и люди шли без конца.

«Откуда только берется такая прорва народа?» – думал Сережка.

Он от удивления раскрыл даже рот, но сейчас же получил от бежавшего мимо мальчишки здоровый подзатыльник.

– Ворона залетит, деревня! – крикнул мальчишка, удирая по тротуару.

Наконец загудел фабричный свисток, и из ворот фабричного двора длинным хвостом потянулись рабочие – мужчины и женщины. Сторож осматривал каждого и сделал исключение только для дяди Василия.

– Тут к тебе пришли, Василий, – объяснил он.

Мать Сережки в первую минуту не узнала брата, так он изменился за десять лет, как ушел из своей деревни. Он и похудел, и оброс окладистой бородкой, и точно сделался ниже ростом. Поздоровавшись с сестрой, он как-то растерянно заговорил:

– Знаю... все знаю... Ну, что же делать!.. Все под богом ходим. Как-нибудь надо жить... Помаленьку устроимся...

Он покосился на Сережку и почесал в затылке. Мать заметила это движение и удержалась, чтобы не разреветься.

– Ну, пойдете... – как-то нерешительно предложил дядя Василий. – Я тут близко живу... Да, угораздило тебя, Марфа... Ну, да поговорим после...

Они перешли дорогу, повернули влево и вошли на двор двухэтажного деревянного дома. Дядя Василий делался с каждым шагом все мрачнее... В глубине двора стоял покосившийся двухэтажный флигель, куда они и пошли.

– Держи левее, – повторил несколько раз в темноте дядя Василий. – А тут прямо...

Марфа с трудом поднялась по лестнице во второй этаж. Дядя Василий ждал в дверях.

– Кого это принесло? – слышался раздраженный женский голос из-за занавески, разделявшей большую грязную комнату на две половины.

– А из деревни... – неохотно ответил дядя Василий, с ожесточением бросая свою фуражку куда-то в угол. – Значит, сестра... да...

«Чистая половина» освещалась дешевой лампочкой. На столе в переднем углу стояла приготовленной какая-то еда, а около нее сидела на стуле девочка лет пяти, сторбленная и худенькая, как щепка.

– Ну, садитесь, так гости будете, – приглашал дядя Василий.

Из-за занавески выглянуло испитое женское лицо. Эта была жена дяди Василия.

– Вот так обрадовали, нечего сказать, – проговорила она и засмеялась. – В самый раз, дорогие гости.

Марфа стояла у дверей, не решаясь снять своей котомки. Она в первый раз видела невестку, о которой дядя Василий писал всего раз, что «принял закон с девицей Катериной Ивановной».

– Чего стоишь-то? – тоже с раздражением проговорил дядя Василий. – Раздевайся... Катя, а ты, того, самоварчик сообрази.

– Да ты с ума сошел! – слышалось из-за занавески. – У нас не постоянный двор, чтобы поить чаем встречного-поперечного...

– А ты помалкивай! – уже грубо заметил дядя Василий. – Пожалуй, лучше так-то будет. Не встречные-поперечные пришли, а родная сестра, Марфа Мироновна. Так это и чувствуешь...

– Всякая деревенщина полезет в избу...

Дядя Василий быстро ушел за занавеску, и оттуда слышались глухие всхлипывания.

– Чего дерешься-то, идол? Каторжная я вам далась, што ли?..

Дядя Василий вернулся к столу такой бледный и долго молча гладил по голове свою девочку. Он тяжело дышал и несколько раз смотрел злыми глазами на занавеску. Мать Сережки медленно и с трудом сняла свою тяжелую котомку, мокрую кофту и осталась в деревенском сарафане. Ее больше всего смущало то, что она может «наследить» грязными башмаками, а снять их не решалась. Ссора дяди Василия с женой из-за нее тоже не обещала ничего хорошего. Так уж все шло одно к одному... Сережка смотрел на мать и на дядю и начинал бояться последнего. Когда дядя Василий опять хотел идти за занавеску, Марфа его удержала за рукав.

– Не надо, Вася...

– Ах, оставь... Ничего ты не понимаешь. Катя, ты сейчас иди к свояку и позови его чай пить...

– Так и побежала...

– Ты опять?

Послышалось сморканье, а потом Катерина Ивановна, накрывшись платком, быстро вышла из комнаты. Дядя Василий проводил ее глазами, покрутил головой и проговорил совсем другим голосом:

– Марфа, ты не подумай, что Катя злая. Так, стих на нее находит... А спускать ей тоже невозможно. Ни боже мой... Способу не будет, ежели ей покориться. А так она добрая...

– А ты бы все-таки, Вася, ее не трогал, – нерешительно проговорила Марфа, поглядывая на дверь. – Родня родней, а она жена...

– Ничего, все обойдется.

Дядя Василий подозвал Сережку, поставил его перед собой, пощупал руки и грудь и проговорил:

– Ничего, мальчуга хороший... Пристраивать его привела, Марфа?

– Уж и не знаю, Вася, как быть... Дома-то не у чего ему оставаться. Избу продали, лошаденку продали...

В ее голосе послышались опять слезы, но она удержалась, потому что дядя Василий нахмурился.

– Ладно, ладно, сестра... Будет. «Москва нашим слезам не верит» – говорили старики. Устроим мальчугу вот как... А ты на Катю не обращай внимания. Обойдется помаленьку...

Время от времени дядя Василий гладил свою девочку по голове и приговаривал:

– Смотри, Шурка, какие ребята в деревне-то растут! Вон какой крепыш... Не то что ты.

– Она хвора? – спросила Марфа.

– Нет, этого нельзя сказать... А так, не она хлеб ест, а ее хлеб ест. Наши фабричные ребята все такие изморыши... Значит, здесь климат такой для ребят, то есть сырости много... и притом грязь. Самый скверный климат, не то что в деревне у вас, где один воздух...

II

Этот разговор был прерван шумом на лестнице, а потом в комнату вошел приземистый мужик в одной жилетке и опорках, надетых на босу ногу.

– А я вот-ан, Василь Мироныч!.. Зравсте... Эге, видно, ехала деревня мимо мужика да в гости и приехала. Сестрица будете Василь Миронычу? Наше почтение, значит, вполне... ежеминутно...

Потом пришедший погрозил пальцем хозяину, укоризненно покрутил головой и заметил:

– Эх, брат, не хорошо обижать женский пол... Вот как разливается теперь Катерина Ивановна, река рекой. А промежду прочим, отлично... Пусть Парасковья Ивановна чувствует свое ничтожество, потому как ежеминутно должна покоряться собственному законному супругу...

– Будет тебе околесную-то нести, Фома Павлыч, – остановил его дядя Василий. – А мы вот что сообразим... чтобы честь честью все было... Понимаешь?

– Ежеминутно...

Фома Павлыч при этом подмигнул и потянул воздух носом. Дядя Василий достал кошелек, вынул из него рублевую бумажку и, откладывая по пальцам, говорит:

– Сороковка водки – раз... пару пива – два... Теперь нащел закуски: колбасы вареной полфунта, селедочку... парочку соленьких огурчиков... ситнова три фунта... Понимаешь?

– Вот как понимаю, одна нога здесь, а другая там... Ежеминутно оборудуем.

Подмигнув и повернувшись на одной ноге, Фома Павлыч ушел.

– И для чего это ты затеваешь, Вася, – корила Марфа. – Деньги только понапрасну травишь, а жена будет тебя ругать.

– Перестань, говорят... Ничего вы, бабы, не понимаете. Как есть ничего... А при этом кто мне может запретить родную сестру угостить? В кои-то веки увидались... Бывает и свинье праздник, милая сестрица. Вы только не беспокоитесь, потому как у вас свои порядки, а у нас свои... А Фома Павлыч мой благодетель и при этом свояк: на родных сестрах женаты.

Фома Павлыч действительно вернулся «живой ногой», а за ним пришла и Катерина Ивановна.

– Катя, самовар поскорее! – весело торопил дядя Василий. – Гости-то наши здорово проголодались. Сидят да, поди, думают: в городе толсто звонят, да тонко едят.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.